

Гороховец №24 литературный 2022г.

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Уважаемые читатели!

Традиционно в конце июля в Гороховце отмечается День города. Все мы, бесспорно, любим свою малую Родину и желаем ей добра и процветания.

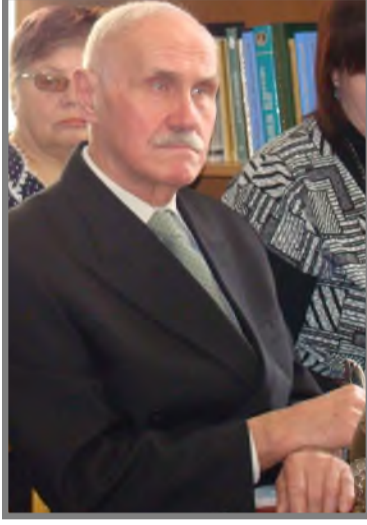
Для сохранения истории края, популяризации знаний о Гороховецкой земле очень много сделал Николай Иванович Андреев. Его краеведческие очерки являются золотым фондом нашей библиотеки.

17 июля 2022 года Н.И. Андрееву исполнилось бы 85 лет. И данный выпуск мы посвящаем ему, его личности, деятельности, огромному вкладу в копилку знаний о родной Гороховецкой земле.

Первая моя встреча с Николаем Ивановичем Андреевым состоялась в доме родителей моего мужа в д. Васильчиково. Николай Иванович по каким-то бытовым делам приезжал к моему свёкру. В соседней деревне у Андреевых стоял дачный дом, и свёкр Рюот Федор Филиппович (лучший тракторист в округе) был востребован для перепашки участка. Тогда я особо не обратила внимание на Николая Ивановича и даже не поинтересовалась, кто это. Знала ещё, что этот человек в распутицу оставлял свою машину около дома моих родственников, так как по бездорожью лучше пройтись пешком. Спустя пару лет, я уже работала в Васильчиковской сельской библиотеке, и Николай Иванович заглянул как-то на моё рабочее место. Это было в 1993-1994 гг. Краеведением я особо не интересовалась и не знала, что передо мной человек, серьёзно изучающий историю Гороховецкой земли. Вероятно, в тот отрезок времени Николай Иванович собирал материал о Булыгиных, Кожиных и других знаменитостях. Поинтересовался, «чья» я буду и, услышав фамилию Рюот, заулыбался. В следующее

Вспоминая Николая Ивановича Андреева

свое посещение Николай Иванович стал «прощупывать почву»: что мне интересно, что я читаю, какое у меня образование, что я знаю об окрестных деревнях и прочее. Я выдала, что «неместная», и вообще у меня только бабушка по отцу из деревни Березницы, а сама я из Вязников. При дальнейших разговорах с ним я узнала, что моя девичья фамилия Максимова – «хорошая фамилия». А бабушкин дом, в котором

прошло моё каникулярное детство, когда-то принадлежал дяде Николаю Ивановичу – Валову Алексею Ивановичу. Уже не было в живых моей бабушки, и именно от Николая Ивановича я узнала, кто такие котельщики и что мой прадед был им, работая в артели у Валова. Видела в доме бабушки и старинные вещи, оставшиеся в наследство от предыдущих хозяев. Это были патефон, граммофон и старые венские стулья, обитые красным бархатом, фирмы «Тонет».

Так Николай Иванович стал изредка заглядывать ко мне в библиотеку. В один из приездов он привез книги и предложил мне их прочесть. Это был Казимир Валишевский «Петр Великий» со старинной буквой «ъ» в тексте и небольшого формата книга «Записки жандарма» А. Спиридовича. «Петра Великого» забрал читать муж, а Спиридовича я благополучно отложила подальше. При следующей встрече Николай Иванович спросил, прочла ли я «Записки жандарма». Сказав, что не успела ещё, решила все же «полистать» этого Спиридовича. Ничего не поняв в ней, ре-

шила узнать подробности, для чего мне было предложено прочесть про жандармов царской эпохи. В ответ узнала, что человек, о котором идет речь в этой книге, жил в соседнем с деревней населенном пункте, где я проводила в детстве летние каникулы. Для нас, детей, это было какое-то не особо приветливое место, которое взрослые звали «барский сад».

В каждый свой приезд Николай Иванович рассказывал то о владельцах-помещиках Кожиных, Лазаревых, Стечкиных, то о простых рабочих, то о названиях рек и озер. От него узнавала я и об истории окрестных деревень.

Однажды на пороге библиотеки он появился с какими-то горшками-плошками. Николай Иванович тогда мне предложил сделать небольшую выставку старинных предметов в библиотеке. Я согласилась, испросив на это разрешение у своего начальства. С каждым его приездом моя выставка пополнялась. Среди экспонатов были ендова, старинный керосиновый фонарь, кочедык, лапти и колодки для пошива обуви, царские деньги, старые книги и азбуки, цепи для молотыбы, постель и многое-многое другое. Про каждую вещь рассказывал, объясняя, что это и для чего использовалось. Про деревянную рогатину, хитро щурясь, сказал, что «ходил с ней на медведя». Так наша совместная выставка стала разрастаться, местные жители тоже подключились к пополнению экспозиции чугунами, ухватами и прочим. Было интересно наблюдать за детьми и городскими жителями, посещав-

шими маленькую библиотеку на селе, как они изучают незнакомые предметы. Сотрудники районных учреждений культуры приезжали, чтобы посмотреть и перенять опыт по организации музейной экспозиции. А Николай Иванович только хитро улыбался и пополнял нашу совместную выставку.

Встречались мы с ним и в городе на мероприятиях или мимоходом где-то. Узнав, зачем приехала в Гороховец, передавал «поклон» общим знакомым. При встрече в центральной библиотеке или в отделе культуры всем всегда объявлял: «Мы с ней с одной деревни!» Подразумевалось – Васильчиково, откуда он был родом.

Так исподволь он втянул меня в это захватывающее действие – поиск информации о земляках, каких-то интересных фактов. И так всё это затягивало, незаметно вовлекало меня в исследовательскую деятельность, что однажды я оказалась выступающей с докладом о немцах Поволжья, переселенцах из деревни Васильчиково, на литературно-краеведческих Булыгинских чтениях. Надо отдать должное, что и руководителями библиотеки всячески поощрялось увлечение краеведением. А «Записки жандарма» Спиридовича я всё-таки прочла внимательно и осмысленно.

Каждый раз, работая над какой-то темой, почти всегда обнаруживалось, что Николай Иванович Андреев про это знал и в своих трудах или писал, или упоминал эти факты.

Несмотря на то, что Николая Ивановича давно уже нет с нами, я говорю мысленно всякий раз ему «спасибо» за наставления, нужные советы и любовь к истории родной земли.

Спасибо, Николай Иванович!

М.В. Рюот

Воспоминания о детстве: из неоконченной рукописи (отрывок)

По рассказам покойного отца и его сестры Анастасии Михайловны (в 1979 г. 80 лет), уклад жизни в Васильчиково был старый, добропорядочный и здоровый. Зажиточный дед Николай был небогат и строг. Имея крепкое хозяйство, яблоневый сад против дома и небольшую лесную дачу за Суврошью, он естественно получал кое-что и от сына, с малых лет связавшего свою судьбу с отхожим промыслом. Сам Николай (прадед), вероятно в свое время тоже занимался отходничеством. Ходил с обозами по зимам в хлебное Поволжье, и вероятно, хаживал и с лямкой, о чем последняя красноречиво и свидетельствовала, находясь на пыльном чердаке васильчиковского дома. Мой отец видел эту лямку и ещё рассказывал, что на том же чердаке было много старой пчелиной суши. По-видимому, кто-то из Малковых водил пчел, но отец этого не помнит, и дед Михаил ему об этом ничего не говорил.

Дом в Васильчикове построен в 1865 году, в том же году, когда родился мой дед Михаил Николаевич, и в том году, когда была пущена в эксплуатацию проходящая прямо за околицей их деревни ж/д Москва – Нижний Новгород.

По рассказам отца, Николай Малков выставлял Быстрицкие покосы Флорищевой пустыни и заработал леса на срубы. Так из спелого корабельного леса с Красных Флорищевых гор была срублена традиционная трехчастная русская изба в Васильчикове, которая, перевезенная в 1939-40 гг. в Гороховец, существует и поныне (ул. Конституции, 1).

Николай Малков был строг с домочадцами и ревностно соблюдал правила крестьянской этики. Громкое слово счита-

лось грехом в этой семье и ещё тяжелее был грех, если домочадец повышал голос в присутствии посторонних.

Царевы, Хуртовы, Малковы, Ситовы, Челышевы – вот фамилии исконных крестьян из Васильчиково, свидетелей жизни моих добросовестных предков.

Мало что я знаю о них, особенно о Николае Малкове, в моём понимании родоначальнике нашем, да и то, что было сказано о них, документально подтвердить невозможно. Всё записано со слов отца моего и матери.

До меня дошло графическое изображение межевого знака рода Малковых. Этим знаком помечали земельные участки, клеймили лес и метили инвентарь. Впервые я его увидел на одном из бревен сруба нашего дома, и отец объяснил мне, что это своего рода знак фамилии Малковых. В понимании современного человека его можно было описать, как символ первой производной от икс. На меже, по-видимому, этот знак вырезался заключенным в круг, а на дереве, в связи с трудностью вырубить топором круг, просто вырубались только прямые элементы. Вот изображение этого знака в круге. (X)

Мой дед Михаил Малков нагревал заклепки еще на первый в России ж/д мост в Сызрани. Мальчишкой видел Березина и Белелюбского, был свидетелем трагедий на строительстве этого моста, слышал речи артельного старосты Дрязгина.

Затем еще ряд мостов, работы в Пинске, затем работы в Севастополе, когда Россия, вопреки кабальному Парижскому трактату, стала строить первые броненосцы.

По рассказам отца, дед участвовал в 1883 году при закладке «Синопа» и «Чесмы», а позднее при постройке «Трех Святителей» и «Двенадцати апостолов». Это уже подтверждается документально.

На этом его деятельность на поприще судостроения обрывается, и все остальное относится к сфере железнодорожного транспорта.

До конца своей жизни Михаил Малков был предан железной дороге.

Обосновавшись дежурным котельщиком службы тяги Екатеринбургской ж/д, он жил в Гришине, Пологах, Полтаве и Бердянске. Ремонтировал аварийные паровозы, развальцовывал в огнедышащих топках дымогарные трубы, менял пробки, ходил по осиновым поленьям, набросанным на раскаленные колосники, ежедневно рискуя своей жизнью. Большая кожаная рукавица, рушник, коптилка да вальцовка – вот атрибуты ремесла его, оставшиеся в памяти моего отца.

Многие моменты нашей жизни мне запомнились отчетливо. Тяжелые послевоенные годы наша семья, состоящая из четырех человек: отца, матери, моей бабушки – материной матери и меня, – прожила относительно беззаботно, дружно и в постоянных трудах. Мы не голодали, как многие, потому что жили своим хозяйством, держали корову, поросенка, кур, и кроме приусадебного огорода, еще сажали на общественных полях картошку и даже немного проса. Жили дружно и трудолюбиво. Погода в те далекие и милые мне времена стояла ровная, с жаркими летами и холодными зимами. Когда сажали картофель, всегда стояла жаркая погода, но в оврагах еще лежал глубокий снег,

покрытый сверху грязью.

Летом отец по вечерам пропадал в огороде в своих любимых помидорах, которые выращивал очень искусно и одним из первых в городе. Какие это были огромные и сочные плоды! Зимой я помню отца по вечерам за бухгалтерскими книгами, которые он приносил с работы и при свете коптилки заполнял под аккомпанемент старых деревянных счёт в рамке с латунными прожилками.

Хотя он и был характера мягкого, но иногда меня наказывал, да и было за что. Для наказания обычно использовался сиреневый прут, который постоянно торчал в щели перегородки прямо над обеденным столом, так что долго искать орудие наказания отцу не приходилось. Иногда вместо прута использовался поясной ремень, который отец называл «перченёк». Ремень был при нем всегда, так как отец, до тех пор пока не вышел на пенсию, всегда ходил в рубашке или гимнастерке с отложным воротом и непременно подпоясанный ремнем. В моей памяти уже стерлось, но, видимо, это было, когда я пошел в первый класс. Отец тогда купил два ремня и один из них подарил мне, которым я и пользовался несколько лет.

В войну и после войны, кроме любимых помидоров, отец непременно сеял табак, простой и турецкий, с длинными листьями, затем собирал его, сушил и приготавливал махорку. Все приспособления для этого он имел. В моей памяти остался эпизод, когда я играл со своей двоюродной сестрой, побежал от неё, и, вывернувшись из-за двери, наткнулся на отца, несшего решето с махоркой. Моя круглая стриженная голова прилась как раз в это решето, и облако табачной пыли расплылось по коридору. За это проступок я был отцом добросовестно выдран.

Н.И. Андреев

Любовь Александрова

Родная сторонка, отчизна моя

Родная сторонка, отчизна моя!
Как любви твои мне просторы!
И вновь за околицу манят меня
Лужайки, леса, косогоры.
Как хочется в ярких цветах луговых,
Забыв обо всём, повалиться
И гривой могучих дубов вековых,
Смотрящих в Оку, любоваться.
Вдоль речки плакучие ивы шумят,
Своим отраженьем люблюсь,
И водные блики глаза мне слепят,
И шепчутся волны, красуясь.
Я в ситцевом платье и босиком
Игривому ветру в угоду
Спускаюсь тропинкою к речке бегом,
Ступаю в прохладную воду.
Наряды нехитрые быстренько сняв,
Смотрю я на рябь озорную,
И речка, прохладой лёгкой обдав,
Меня обнимает нагую.
В берёзовой роще поёт соловей,
Подруге единственной, милой.
Я чуточку даже завидую ей,
Наверное, очень счастливой.
Вдали от мирской суеты, в тишине
Я чувствую воздух свободы.
Спокойствием душу наполнит он мне,
Развеет любые невзгоды.
Я перед тобою, сторонка моя,
Колени свои преклоняю.
Ты знай: не предаю я вовеки тебя!
Тебя, край родной, прославляю!

Анна Нефедова

Позволь воспеть тебя, мой город вековой,
К святыням прикоснуться чуть дыша.
Позволь назвать тебя своей судьбой,
По улочкам идти к тебе спеша.
Откуда ты возник, кем наречен?
Загадка из загадок много лет.
Твоя краса, как дивный тихий сон? -
И льется над тобою чудный свет.
Есть много городов, столиц и стран
С прославленной, яркою судьбой.
Могу уехать и за океан,
Но лишь с тобою нахожу покой.
Позволь воспеть тебя и дань отдать,
Колени преклонить, целуя крест.
Позволь мне все-таки тебе сказать:
Я так люблю тебя, Гороховец!

Владимир Гончар

Я обнял берёзку, нежно, безгреховно,
Чувствую, как сладко ёкнула душа,
Застучало сердце чуточку неровно,
Как же ты, голуба, дивно хороша.

А она от счастья замерла, не дышит,
Милая покорность, кругом голова,
Ветерок, проснувшись, чуть листву колышет,
И росой плачет сонная трава.

Утро на берёсту льёт румянец алый,
Дарит полушалою розовый зари.
"Ну а ты сегодня, - мне она сказала, -
Ленту голубую в косу подари".

Троица гуляет, звоны и веселье,
Именинниц леса белозубый смех,
Праздника большого сытое безделье,
И работ невинный и прощенный грех.

Для тебя не жалко ничего на свете,
Я тебе на ленты небо разделю,
Пусть сегодня солнце вдвое ярче светит,
Остальное знаешь: я тебя люблю!

Нам кукушка годы куковала звонко,
Дискантила песни в листьях мошара,
Белокурой, милой, нежною девчонкой
Мне березка кудри гладила с утра.

Олег Шутов

Июльская ночь

После жаркого дня,
Солнце к лесу клоня,
Ночь июльская наступает.
Бегло бросив лучом,
Ало-красным пучком,
Купол храма, как свечу, зажигает.
И уходит в закат
Верный, вечный солдат,
Шлейф багряный за собой убирая...

Ветер стихнет вокруг,
Ощутим каждый звук,
И сверчки запоют колыбельную.
Застрекочут в траве,
Птицы смолкнут в листве,
Всюду тишь да гладь неподдельные.
Ночь, как добрая мать,
Уложила всех спать,
Словно шалью, всю землю окутала....

Чуть забрезжит рассвет,
Запоёт свой сонет
Петушок соседский в курятнике.
Покрывало – туман,
Точно вод океан,
Под окнами, в палисаднике.
Пробираясь сквозь мглу,
Первый луч по селу
Резвым вестником пробирается....

Наталья Бахтырева

Мой город

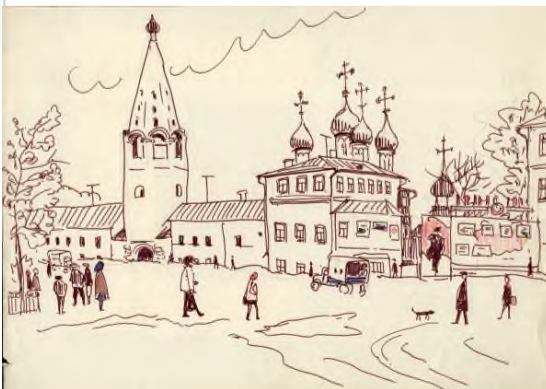
Я не могу не думать о тебе,
О том, где выросла, любила.
Ты значишь многое в моей судьбе,
И все в тебе мне с детства мило.

Ты на холме стоишь, над Клязьмою-рекой,
И красотой своей пленяешь многих,
И с каждым годом ты такой родной
И в то же время все такой же одинокий.

Ты одинок в чарующей красе
Старинных зданий, вековых построек,
Куда ни взглянешь, всюду маковки церквей,
В венчальном, белом, дружном хороводе.

Ты красотой не сравним ни с кем.
Слагали люди о тебе легенды,
Но гордость не продал свою и честь
И над Ордой одерживал победы.

Ты под покровом Богородицы стоишь,
И до сих пор она тебя от бед спасает,
Живи, мой град, расти, цвети,
И пусть таким тебя вовеки знают.

Любовь Виолентова

Лето в деревне

Запахи трав и дорожной пыли,
грузится солнце в вагончик речки,
где-то кузнечик трещит...

Не мы ли
думали – лето продлится вечно?
В школьном саду созревает вишня
(дома есть тоже, но там вкуснее!)
...В памяти летопись лето пишет,
чтобы потом приходить во сне и
дергать за ниточку: помнишь?
Как же!

...Даже загар на ребячьих лицах
Кажется знаком - знаком тут каждый,
есть с кем все лето повеселиться!
Прошлое, будто бы кадры пленки,
вмиг открывается нараспашку:
вот день рожденья сестры Аленки,
вот мы рыбачим с соседом Пашкой,
вот мне ромашка сказала «любит»,
я сомневаюсь – да ну, едва ли...
Вот мы в пустом деревенском клубе
скачем под вечное «Хали-Гали»,
вот мы запрыгнули в кузов «ЗИЛа» –
нас дядя Коля везет купаться...
Память обрывками загрузила
неповторяемые двенадцать:
бабушка в печке печет ватрушки,
Пашка зовет слазить в дом-заброшку –
я, соглашаясь, немного трушу,
только его одного не брошу.
Вот папа делает нам качели,
вот я качаю на них Аленку,
Вот наш Пират, а на той неделе
Муська опять родила котенка.
...Лето-писатель не ставит точку,
строчки из книги – теперь беречь нам.
Мы уже умные – знаем точно:
лето (и детство) не длится вечно.

Юрий Опарин

Две недельки лета

Деревенька невелика,
Старых изб стоит пяток,
Не столичная Барвиха -
Тихий дачный уголок.

Там все мило и знакомо:
Каждый житель, каждый дом.
Шума нет там городского,
Лес и речка за углом.

Я поеду туда летом
Две недельки отдохнуть,
Весь измучен интернетом,
Осознать, в чем жизни суть.

По ночам смотреть на звезды,
Просто слушать тишину,
На луга ходить в покосы,
Пока день не съест росу.

Окунаться в воды речки,
Пить парное молоко,
И стихи под свет от свечки
Сочиняются легко.

Не нужна мне заграница,
Их отели со звездой,
Здесь водица из криницы,
Звезды в небе надо мной.

Пролетает время быстро,
Отпуск кончился – пора!
Жизнь идет, меняя числа,
Завтра в город мне с утра.

Станислав Дроздов

Землякам гороховчанам

Не пойму я аллеи каштанов,
Не люблю южный берег всерьёз,
Но природу познал очень рано –
Я у Клязьмы с берёзками рос!

Городок есть на Клязьме районный,
Он - хранитель седой старины
И, наверное, самый зеленый
Изо всех, не узнавших войны.

Я, уже пожилой и серьёзный,
Возвращаюсь в родительский дом:
Не узнать тополей и берёзок,
Тех, что в детстве росли под окном.

И по улицам новых названий
В тишине полуночной бреду,
А места наших первых свиданий
Я уже никогда не найду...

Растет городок мой старинный,
А новшества и счастье не могу!
Гордится он славой былинной,
Туристов - на каждом шагу!

И я себя чувствую гостем –
С туристами вместе брожу...
Забывать город детства – не просто,
И памятью той дорожу!

Куда ни вели бы дороги –
Свой город нельзя обойти!
В нём радости все и тревоги,
Что были в начале пути...

Нина Жукова

Утро в розовом тумане

В тумане сонный город дремлет,
Уснули в небе облака,
И храмы в темноте белеют,
Волною не шумит река.

Но отряхая с плеч дремоту,
Вдруг легкий ветер зашумит.
Дав путь для жизни солнцу, свету,
Он облака разъединит.

В тумане розовом купаясь,
Встречают солнце купола,
Боками яркими сверкая,
Крестами сверлят облака.

Туман все ниже опускался
По очертаньям белых стен,
В колоннах храма заплутался
И у подножья врат осел.

Звон колокольный, день встречая,
Разлился, город пробудил.
Под солнцем весь туман растаял,
Холмов красоты обнажил.

Елена Пряхина

Лето красное, букетом,
За окошком расцвело.
С разноцветным к нам приветом,
С ярким солнышком пришло.
Заискрились росы утром.
Звенят нежно соловьи.
И луна под вечер, будто
Ждет свиданья у реки.
Облака, как медвежата,
Забарахтались в воде.
Пчелы, с радостным жужжаньем,
Вновь порхают в цветнике.
И на солнышке у дома,
На дороге, как всегда,
Растянулась кошка Тома,
Отдыхать пришла пора.